

Тельпов Роман Евгеньевич

канд. филол. наук, доцент

Сарайкин Иван Валерьевич

студент

ФГБОУ ВО «Государственный институт

русского языка им. А.С. Пушкина»

г. Москва

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ЭТНОНИМОВ
В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И В ЛЕТОПИСЯХ
МОСКОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Аннотация: в статье выделены основные словообразовательные типы этнонимов, упоминаемых в древнерусских летописях – в Повести временных лет и в летописях московского происхождения – Никоновской и Воскресенской.

Ключевые слова: летописи, этнонимы, словообразовательный тип.

Несмотря на наличие обстоятельных, глубоких исследований, посвященных анализу этнонимов в памятниках древнерусской письменности [2; 8; 10], многие вопросы, касающиеся названий народов Древней Руси, остаются открытыми: происхождение некоторых древнерусских этнонимов; значения, объединяющие этнонимы отдельных структурных типов; особенности отражения тех или иных этнонимов в памятниках письменности разного жанра, а также разного места и времени написания. В частности, остается открытым вопрос об особенностях употребления этнонимов, обусловленных местом и временем создания разных памятников древнерусской письменности. Древнерусские этнонимы лучше всего исследованы в Повести временных лет (далее – ПВЛ), которая представляет собою пример летописи, отразившей наиболее древние представления восточных славян о себе самих и об окружавших их неславянских народах. В нашей статье мы делаем попытку выявить основные закономерности в соотношении словообразовательных типов этнонимов, отраженных в ПВЛ (за основу

мы берем ПВЛ в древнейшем Лаврентьевском списке) и в памятниках письменности московского происхождения – Воскресенской (далее – ВЛ) и Никоновской (далее – НЛ) летописях.

Внутри упоминаемых в ПВЛ этнонимов с формантом *-ане* / *-яне* Г.А. Хабургаев выделял следующие этнонимы, которые «находят словообразовательные соответствия как в инославянской этнонимии «Повести», так и в восточнославянской этнонимии других источников» [10, с. 172]:

– названия славянских народов: *Поляне, Древляне, Бужане, Вельняне, Полочане, Северяне*;

Большая часть славянских этнонимов и катойконимов с формантом *-ане* / *-яне*, по словам Г.А. Хабургаева, этимологизирована самим летописцем, который связывает их либо с реками (*Бужане* от *Буг*, *Полочане* от *Полота*), либо с характером местности (*Древляне* от *деревие*, *Поляне* от *поле*) [10, с. 174]. Подобным же образом оформлены и катойконимы типа *Мъняне* или *Куряне*, имеющие, по мнению Г.А. Хабургаева, географическое происхождение, которое отличает их от катойконимов, образованных при помощи форманта *-ьци* (типа *ростовьци*, *суждальци*), возникших после оформления соответствующих политических центров или территориально-политических объединений [10, с. 175].

При помощи данного форманта в ПВЛ могли образовываться также названия неславянских народов: *Урмане, Агляне, Егюптяне*; названия библейских и мифологических народов: *Ниневитяне, Амазоняне* – от последней группы особняком стоят названия типа *Агаряне*, которые, с одной стороны, проявляют способность «выступать в роли суффикса *-ichi*, передавая патронимическое значение иноязычным (чаще всего взятым из Библии) основам: агаряне (Агарь) измайлтияне (Измаил) и т. д.» [2, с. 49], с другой стороны, подобные образования характеризуют обозначаемые ими общности, прежде всего, по конфессиональному признаку, и поэтому могут употребляться по отношению к разным народам – например, в ПВЛ словом *Огаряны* названы арабы, упоминаемые в статье под 866 годом: *Царю же отшедшию на Огаряны, дошедшю же ему Черные ръки*,

---

въсть епархъ посла къ нему, яко Русл на Царьгородъ идетъ, и вратися царь (ПВЛ).

При помощи *форманта -и* в тексте ПВЛ образуются этнонимы, обозначающие только славянские народы: *Вятичи, Дреговичи, Радимичи, Кривичи, Уличи* – относительно форманта этой группы мы согласны с мнением Г.А. Хабургаева, отметившего, что «суффикс *и*-и был действительно использован для указания на генетические связи обозначенного соответствующим термином коллектива; но это связи не с легендарным «основателем рода», а с исторически предшествующей этнической группой» [10, с. 195].

Выделение этнонимов с формантом *-и* сопряжено с рядом трудностей, прежде всего, с трудностями определения характера слов, оформляемых с помощью данного форманта: к явлениям катойконимии или собственно этнонимии может быть отнесено данное слово? Вопрос достаточно сложный, но, на наш взгляд, для Древней Руси периода феодальной раздробленности явления этнонимии и катойконимии не были еще столь разнородны, что ощущали и сами древнерусские книжники, в текстах которых, по замечанию Г.Ф. Ковалева, катойко-нимы с формантом *-и* «подаются наравне с этнонимами и смешиваются с по-следними» [2, с. 56]. В рассматриваемых нами памятниках названия лиц по диалектно-этнографическому принципу могли заменяться названиями по террито-риально-политическому принципу – в качестве примера можно привести упо-требляемые в первой части ПВЛ синонимические названия *Словъне* и *Новго-родьи*, последнее из которых во второй части памятника полностью вытесняет более древнее *Словъне* [1, с. 118], возможно, в силу его «невосточнославян-ского» происхождения, о котором писал Г.А. Хабургаев [10, с. 174].

Посредством *форманта -и* в ПВЛ образовывались этнонимы и катойко-нимы, употреблявшиеся по отношению к представителям как славянских, так и неславянских народов:

– названия, относящиеся к представителям славянских народов: *Туровьи, Новогородьи, Тъверьи, Дунайчи, Бѣлозерьи, Черниговьи, Переяславьи, Володимерьи, Ростовьи* и др.;

– названия неславянских народов: *Нѣмци, Половци*.

О промежуточном положении, занимаемом словами с формантом *-ьци*, по отношению к явлениям катойконимии и этнонимии, свидетельствует, например, слово *Новгородьци*, которое входит в сочинительный ряд с этнонимами, характеризующими народы по диалектно-этнографическому принципу: *Се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци* (ПВЛ). Интересно слово *Туровьци*, первое употребление которого в тексте ПВЛ датировано 980 годом, которое автор летописи стремится представить как этноним генеалогического происхождения: *Рогъволодъ перешелъ изъ заморья, имяше волость свою Полотьскъ, а Туръ Туровъ, от него же и туровци прозвашиася* (ПВЛ).

Этнонимы, образованные по образцу существительных множественного числа без помощи какого-либо материально выраженного форманта:

– этнонимы, обозначающие славян: *Чеси, Хорвате, Ляхи, Болгаре, Дулѣбы, Словѣны*;

– этнонимы, обозначающие неславян: *Хвалисы, Срацини, Пруси, Варяги, Свеи, Фраки, Корлязи, Веньдици, Фрязи, Черемиси, Еврѣи, Греки, Козаре, Готе, Обѣръ, Ясы, Касогы, Ятвагы, Торкмене, Торкы* и др.

Этнонимы, образованные по образцу собирательных существительных:

– этнонимы, образованные по образцу собирательных существительных, оканчивающиеся на *-ь*: *Серебъ, Русь, Чюдь, Меря, Весь, Пермь, Голядь, Самоядь*;

– этнонимы, образованные по образцу собирательных существительных, оканчивающиеся на *-а*: *Угра, Печера, Зимѣгола, Норома, Лѣтѣгола*;

– этнонимы, образованные по образцу собирательных существительных, оканчивающиеся на *-ва*: *Морава, Вольхва*.

Отдельно необходимо рассмотреть собирательный этноним *Сѣверъ*, выделяющийся по своей словообразовательной структуре из группы других собирательных этнонимов, упоминаемых в ПВЛ, и имеющий соответствие в группе слов, объединенных формантами *-ане / -яне* (*Сѣверяне*). Интересно, мнение Г.А. Хабургаева, высказанное по поводу этого этнонима: «В летописное время термин *север* уже не являлся обозначением племенного объединения [...]

и использовался как наименование этнографически своеобразного славяноязычного населения, занимавшего территорию двух политических объединений киевского периода – Переяславского и Черниговского княжеств, что явствует из совпадения летописной локализации севера» [10, с. 186].

Подобный же набор формантов, служащих для образования этнонимов, присутствует и в летописях московского происхождения. Рассмотрим изменения, произошедшие в группах слов, образуемых с использованием данных формантов. Употребляющиеся по отношению к славянскому населению слова с формантом *-ане/-яне* все больше приобретают характер катойконимов (*Лучане, Кіяны, Полочане, Подоляне, Ладожсаны, Двиняне*), которые, в первую очередь, продолжают сохранять свою связь не столько с политическими центрами, сколько с природными объектами, как правило, с гидронимами (*Двиняне* от названия реки *Двины*). Характеристики названий неславянских народов, образуемых при помощи форманта *-ане / -яне*, не изменились, отчасти изменился только их состав – в частности, появились такие отсутствовавшие в ПВЛ названия как *Беребеане, Аламане*; для обозначения враждебных Руси и другим христианским государствам восточных народов стало использоваться слово *Измаилтяне* – например, в НЛ словом *Измаилтяне* называются как монголо-татары в сказании об убийении ростовского князя Василько Константиновича (*Иніи же окаанніи Измаилтяне идоша къ Торжъку, и пришедъше оступиша городъ на Зборъ*), так и турки в повествовании о великом княжестве Сербском (*При семъ же цари Гречестъмъ Иванъ Палеолозъ великий князь Лазарь обновляя опустѣвшаа скипетры Сербьскіа ото Измаилтянъ, и церкви и монастыри и грады созидая*). При помощи этого же суффикса образуются названия представителей разных ересей внутри христианства, например, *Арьяны* и *Несторианы*, упоминаемые в описании пребывания пророка Магомета в Палестине: *И пребывающу же ему въ Палестинъ, и вѣвъры извѣчне, и христіянскую и юдѣйскую, и совокупиша съ Евреяны, и со Христіяны, и съ Арьяны и съ Несторьяны, и ото всѣхъ тѣхъ много пріять* (ВЛ). Примечательно значение «принадлежность к иудаизму», которое отличает слово

Евреяны, присутствующее в представленном выше сочинительном ряду и образованное посредством суффикса *-яны*, отличающего слово *Евреаны* от однокоренного *Евреи*, употребляющегося в летописях преимущественно в значении «народ».

При помощи форманта *-ичи* по-прежнему образуются этнонимы, служащие для образования славянских народов: *Вятичи, Берендичи, Кривичи, Радимичи*. Также при помощи данного форманта образуются названия жителей от названий некоторых городов. В качестве примера можно привести название *Псковичи*.

Как и в ПВЛ *формант -ьци* в НЛ и ВЛ служит для образования катойконимов, которые в отличие от ПВЛ в летописях московского происхождения представлены намного более широко – выступают в качестве продуктивного суффикса, служащего для образования названий жителей древнерусских городов и удельных княжеств (срв. *Новогородци, Суждальци, Ростовци, Резанци, Муромьци, Звенигородци, Путинльци, Новоторжци, Дмитровци* и др.). В московских летописях появляется также заимствованное, видимо, из новгородских источников слово *Низовцы*, ставшее общим названием для обозначения жителей Северо-Восточной Руси. Образованные от названий городов катойконимы с суффиксом *-ьци* используются и для обозначения общностей людей неславянского происхождения, но в таких случаях они всегда сопровождаются пояснениями. Например, в представленном далее фрагменте употребление слова *Казанцы* сопровождается поясняющим его этнонимом *Болгары*: *И случися имъ обоимъ изыти во единъ день на брань [...] из Ростова на Болгары, иже нарицаются Казанцы* (НЛ).

Этнонимы, образованные по образцу существительных множественного числа без помощи какого-либо материально выраженного форманта, включают в себя как названия представителей славянских народов (*Ляхи, Чахи, Хръваты, Серби*), так и представителей неславянских народов (*Ятвяги, Персы, Ясы, Угры, Фряги*). Разница между ПВЛ и летописями московского происхождения в упо-

---

треблении этнонимов данной группы заключается только в увеличении количества входящих в нее слов (например, в Воскресенской летописи появились *Арбонасы* «албанцы – ?»).

В целом сохранили свои семантические особенности и собираательные существительные с формантами *-ь* (*Русь Самоядь, Чудь, Емъ, Сумь, Жемоть* и др.), *-а* (*Мещера, Югра, Зимъгола, Коръла Свъя* и др.), *-ва* (*Морава, Вольхва, Мордва, Литва* и др.).

Подводя итоги, с одной стороны, можно отметить, что суффиксы, употребляемые в ПВЛ, продолжают сохранять свои значения и в летописях московского происхождения – на что указывают новые образования типа *Двиняне*, в которых актуализируется мотивировка слова названиями природных объектов (прежде всего, названиями рек). За словами множественного числа с суффиксом *-ыц* закрепляется употребление в роли катойконимов, а за бесформантными образованиями множественного числа типа *Ляхи* и *Чехи* и собираательными существительными типа *Чудь* и *Русь* – употребление в роли этнонимов. Примечательна в этом отношении невозможность употребления слов типа *Новгородьци* или *Рязаньци* в роли хоронимов, в роли которых свободно употребляются слова типа *Ляхи*, *Чахи* или слова типа *Русь* и *Чудь* [5]. Потенциальная возможность образований типа **идти в Нѣмьци* или *идти въ Половьци*, в которых слова *Нѣмьци* и *Половьци* могут выступать в роли хоронимов (срв. из Синодального списка Новгородской I летописи старшего извода: *Поиде князь Володимиръ Рюриковичъ съ кыяны и Данило Романовичъ с галичаны на Михаила Всеялодича Чермного къ Чернигову, а Изяславъ бъжса в Половци*), может быть обусловлена значительно большей древностью обоих этих слов (сравнительно с другими образованиями с суффиксами *-ыци*), а также особым характером их взаимоотношения с производящей основой [2, с. 57–65]. За суффиксом *-ыц* закрепляется характерная роль форманта катойконимов, но не роль форманта этнонимов, которую он играет в современном русском языке.

Список литературы

1. Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 2010. – 414 с.
2. Ковалёв Г.Ф. Этнонимия славянских языков: Номинация и словообразование. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 176 с.
3. Лаврентьевская и Троицкая летописи // ПСРЛ. – Т. 1. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. – 298 с.
4. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // ПСРЛ. – Т. 9. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. – 286 с.
5. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // ПСРЛ. – Т. 10. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1885. – 256 с.
6. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Т. 7. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. – 362 с.
7. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Т.8. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. – 317 с.
8. Супрун В.И. Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1976. – 19 с.
9. Тельпов Р.Е. Названия территорий в древнерусских летописях / Р.Е. Тельпов, И.В. Сарайкин // Научные исследования: от теории к практике: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 июня 2016 года). В 2 т. – Т. 2. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – №2 (8). – С. 43–48.
10. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979 – 232 с.